НОВАЯ ГАЗЕТА

СЮЖЕТЫ • ОБЩЕСТВО

# Дети крылатой волчицы

## История жизни и смерти, счастья и горя, надежд и отчаяния в разговорах и интернет-переписке

07:26, 21 октября 2026,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать по этой ссылке или отсканировав QR-код ⟶

18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЕ «НОВАЯ ГАЗЕТА» ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЕ «НОВАЯ ГАЗЕТА»

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ СЕВРИНОВСКИМ ВЛАДИМИРОМ ДМИТРИЕВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА СЕВРИНОВСКОГО ВЛАДИМИРА ДМИТРИЕВИЧА.



Жеребенок в полях Ногайского района КЧР. Фото: Владимир Севриновский*

## Поселок Эркен-Шахар, 19 сентября 2026 года, два часа дня

*До возвращения Батала Саметова остается еще десять часов, машина только выехала из Ростова-на-Дону в сторону Карачаево-Черкесии. Но ворота его дома в Тупиковом переулке уже распахнуты. Во дворе по-прежнему блеют овцы, гуляют мускусные утки — и все же это больше не частное, личное место. Мужчины толпятся у крыльца, женщины сидят внутри широким полукругом, словно перед кем-то невидимым. Не хватает лишь той, кто, быть может, больше всех стремилась сюда — Бэллы Шахмирзы, двоюродной сестры Батала. Девять лет назад она придумала, как сделать его и других ногайских детей свободомыслящими и счастливыми.*

## ОТ РЕДАКЦИИ

Переписка Батала и Бэллы здесь и далее дана с сокращениями, исправленной пунктуацией и минимальной редактурой. По требованию закона матерные слова заменены звездочками или эвфемизмами, которые даны в угловых скобках.

Российские официальные органы власти называют происходящее в Украине специальной военной операцией. Мы вынуждены сообщить об этом, поскольку в документальной переписке используются другие слова и выражения.

## 30 марта 2019 года

— Как ты думаешь, хорошая песня для начала? Я люблю тебя, когда ты смотришь в мои черные глаза. Не смотри на меня, я ведь уродина, я недостоин тебя, я пустышка, хотя ты мне очень нравишься, но так нельзя, я простая пустышка в этом белом мире, а я ведь не как вы. Забудь меня и уходи от меня, возвращайся домой к себе. Уходи, я прошу тебя!

— Песня отличная. Кому?

— Я просто сочинил.



Бэлла Шахмирза. Фото: архив Бэллы Шахмирзы

## 2 апреля 2019 года

— Бэлл, а мусульманам можно читать Новый Завет?

— Можно. Читать можно и нужно вне зависимости от того, мусульманин ты или нет.

**Телеграм-канал Батала**

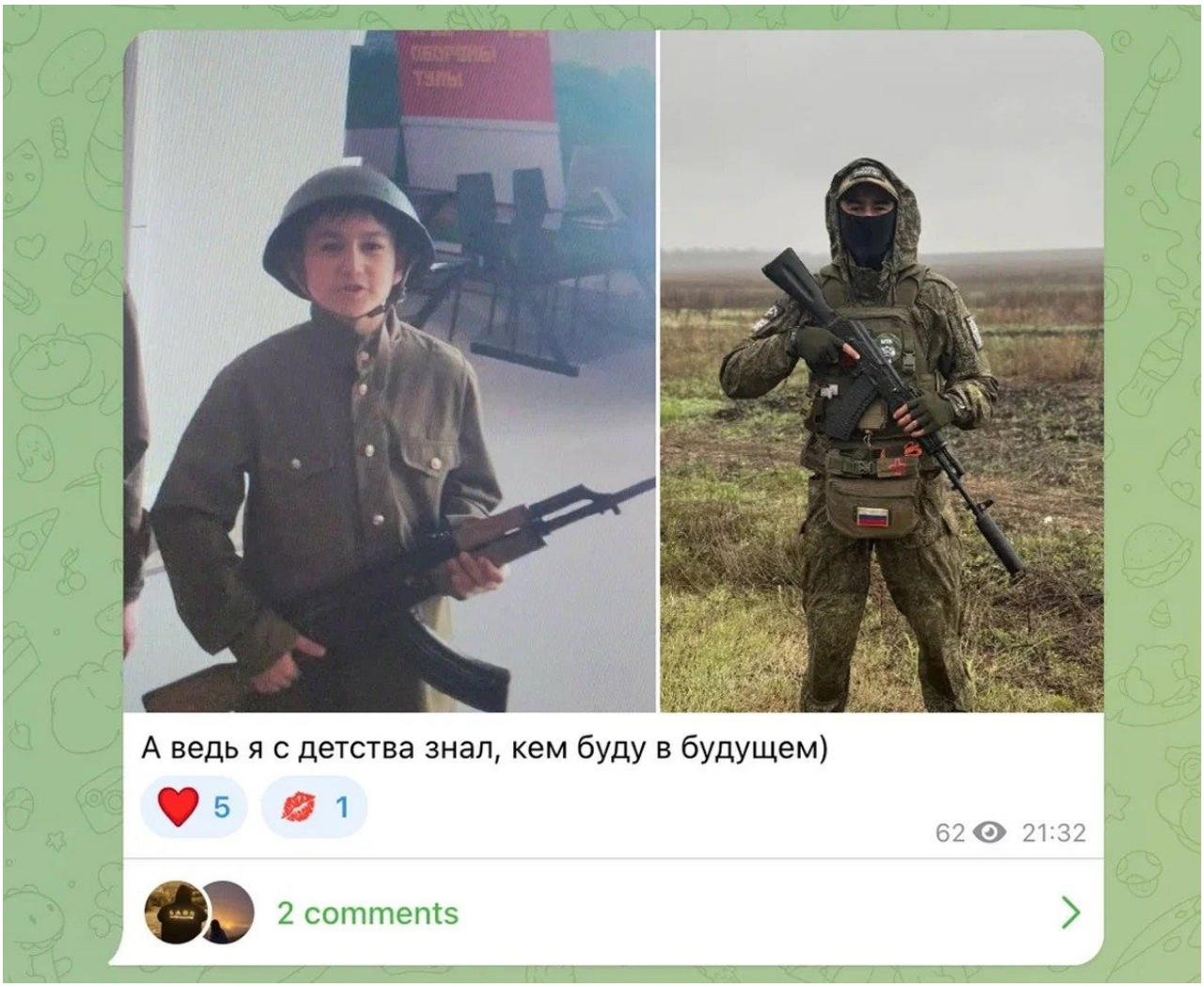
## 15 июня 2026 года

Салам алейкум. Сейчас за птичкой пойдем и будем в работу вставать аккуратно. Вот такие движения.

А ведь я с детства знал, кем стану в будущем.

(Пост иллюстрируют две фотографии — мальчик лет семи в длинной, не по росту, гимнастерке, с макетом АК-47, и

двадцатилетний Батал с боевым АК-12, в бронежилете. Лицо скрывает полумаска, на кепке — наклейка «С <долбанутых> спросу нет».)




Телеграм-канал Батала Саметова

## 22 июня 2026 года

(Видеосъемка оружия с разных сторон)

Пламегаситель поменял на штатный, банку снял. Вот такая у нас теперь красота. Укороченная. Влюбился я, конечно, в этот автомат. Жалко, с собой нельзя будет забрать.

**Неотправленное письмо Бэллы**

## 21 августа 2026 года

Я хочу верить, что ты живой. И в то же время не хочу

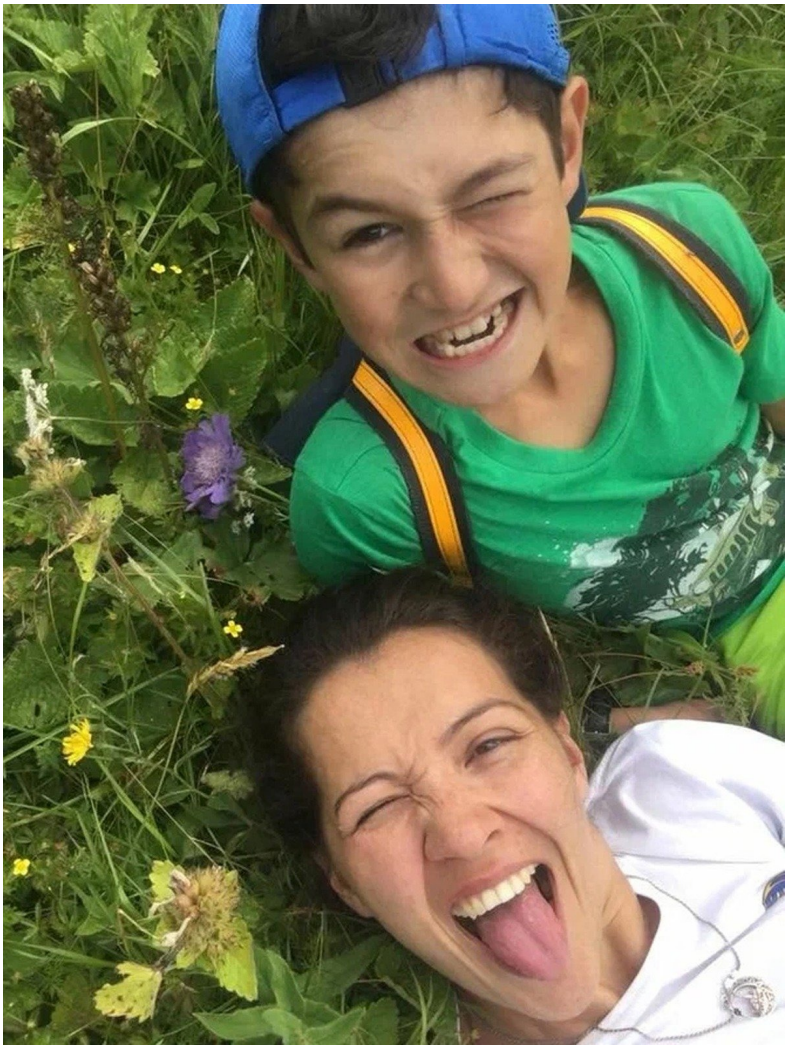
обольщаться, что ты живой. Мы с тобой были на связи 25 июля, почти месяц назад. Шансов почти нет, да?

Батал, где тебя искать? Как тебя искать?

Что мне надо было сделать, чтобы ты не уходил туда? Как тебя надо было сберечь?

Я, с одной стороны, разочарована, что столько лет мы в тебя вкладывали, и без толку. Столько веры в тебя было. Уйди туда пацан из нищей, злой семьи алкоголиков, я бы его поняла. Но ты-то видел что-то хорошее в жизни, у тебя были люди, которые тебя любили и поддерживали. Ты зачем туда пошел?

Ты ведь даже не понимаешь ничего в политике, тебе похер на украинцев.



Бэлла и Батал. Фото: архив Бэллы Шахмирзы

# Свободный народ

*О жизни Бэллы и Батала рассказывает сама Бэлла Шахмирза. Мы с Бэллой знакомы много лет, и это не обычное журналистское интервью, а скорее беседа женщины в тяжелейшем душевном состоянии с другом, которую она разрешила опубликовать.*

Я стала такой, какая есть, благодаря отвратительным отношениям с родней. Это звучит максимально дебильно и не по-кавказски. Мои родители не были любимыми детьми. А потому и мне внимание бабушек с дедушками доставалось по минимуму. Вместе с ним не досталось и сплетен, косности. Мне хотелось сбежать из дома, и в то же время я его любила.

Этот дом отличался от соседних. В нем была чуть ли не первая ванная комната в ауле. И бешеное количество книг. Родители заботились обо мне, но я была единственным ребенком, и мне было одиноко. Едва научившись читать, я перечитала всё. Золя, Мопассан, Бальзак, Ремарк.

Название моего аула Эркен-Халк переводится с ногайского как «свободный народ», а название соседнего поселка Эркен-Шахар — как «свободный город». Для меня свобода — нечто неотъемлемое. Из-за желания быть свободной я лишалась многих возможностей.

У меня сложные отношения с аулом, с Кавказом. Я уехала оттуда в 16 лет, в 2005 году, и возвращалась каждый год. Там люди про меня знают больше, чем я сама. Вокруг ногайцы, мусульмане, все говорят на моем языке. Там я чья-то дочь, внучка, одноклассница. Я знаю правила, знаю, кому уступать дорогу. Это меня душило, но мне было просто.

Этим летом я не могла поехать на Кавказ и потащила детей в глухую деревню в Болгарии. Мы собирали фрукты и варили

компот, как я бы делала в родном ауле. Бродили по полям, смотрели на подсолнечник, такой же, как в Карачаево-Черкесии. Ели похожий сыр. Мы купались в реке. Для меня базовый принцип реки — не Волга, а Малый Зеленчук возле моего дома. По Волге ты плывешь. А в горной реке нужны другие навыки: окунулся, выскочил и опять окунулся. Для меня чай — в первую очередь ногайский чай, соленый, со сливками, с перцем.

> Мне важно приезжать в аул, чтобы понимать: я не одна такая странная.
>
> Мне кажется, именно поэтому я стала переводчиком. Моя миссия — быть мостом между людьми. Я строила мосты.

**Эркен-Шахар, 19 сентября 2026 года, около трех часов дня**

*По улице проезжают редкие машины. На задних стеклах порой мелькают наклейки с крылатой волчицей — символом Ногайского района Карачаево-Черкесии. Старинная тюркская легенда гласит, что предки этого этноса были почти истреблены. Выжил только десятилетний мальчик. Ему отрубили ноги — и бросили его в болото умирать. Калеку выкормила мясом волчица, а когда тот подрос, забеременела от него. Потом юношу все же убили. А волчица убежала от врагов в далекие горы. Там она родила сыновей, от которых и произошли тюркские народы.*

*Людей у дома с распахнутыми воротами всё больше. В разговорах то и дело всплывает война. Мужчина средних лет рассказывает, что похоронил двух братьев: «А сыновей — не пущу!» Приехавший на новом китайском внедорожнике*

*седобородый штурмовик жалуется, что из-за контузии часто пьет и легко срывается, что соседи равнодушны к его подвигам, а чиновники никак не сделают «для свошников» отдельное окно в поликлинике и отдельную колонку на заправках, чтобы те не страдали от перебоев с топливом. Лучший друг Батала вспоминает, как тот сообщил ему, что впервые «задвухсотил» украинца. Среди этих людей в темных одеждах быстро ходит, почти мечется Никита, приятель Батала из Москвы, с головы до ног облаченный в белое: он почувствовал, что так будет правильно.*

## Москва

В Москве я поступила на вечернее отделение журфака МГУ. Там никто не слышал про ногайский чай. В Эркен-Халке я чувствовала себя как рыба на суше, из-за того что читала книги. А в столице — потому что никто не знал, кто я. Мне не хватало солнца, тактильности, объятий с подругами, с мамой.

И все же у меня началась другая жизнь. Я могла пойти в театр. Первый спектакль назывался «Цветные сны белого ослика». А потом еще смотрела кино — ночью, сама, в 16 лет! До сих пор помню ощущение: «Неужели так можно?»

Я не умела учиться правильно, и в первом же семестре два экзамена завалила. Тогда я сказала себе: «Больше никакого стресса из-за сраной учебы. Сдаешь необходимый минимум, и похер на оценки».

Я печаталась в «Большом городе», выступала на радио «Сити-FM». Стала волонтером, работала с детьми-инвалидами. Участвовала в митингах, ездила в Чечню для Комитета против пыток и писала об этом на «Эхе Москвы». Осваивала итальянский в католическом центре, и «Отче наш» на этом языке выучила раньше, чем фатиху (*первую суру Корана. —* **Прим.**).

В 2014 году я защитила диплом. Папа прислал баранью ногу, я накрыла поляну на журфаке. Пришла через пару дней забрать документы и увидела объявление о наборе в Миланский университет. К тому времени были уже Крым, Луганск, в России слишком много стало агрессии. Мне от этого было физически плохо. Через два с половиной месяца я переехала в Италию.

**6 мая 2020 года**

Бэлл, а можно попасть на тренировку Ювы? Я хочу его увидеть. И этого лучшего футболиста ПАУЛО ДИБАЛАААА. Бэлл, можно номер ТОТТИ?

**13 апреля 2021 года**

Я попробую держать месяц рамадан.

## Детство Батала

Отец Батала умер от передоза, когда сыну был год. Перед смертью он блевал, дома было грязно. И моя тетя Аида, мать Батала, прежде чем сообщить о его смерти, убрала это всё.

Маленькая, слабенькая, ей всегда нужна была поддержка. Родители мужа выкинули ее с двумя детьми — младшим Баталом и старшим Тамерланом — на улицу сразу после похорон. Брат Аиды со скрипом купил ей отвратительную квартиру в ужасном районе. Там и выросли ее дети.

Летом 2012 года я была на свадьбе. И увидела, как танцует мой шестилетний брат. Он ходил на свадьбы, чтобы ему за танцы давали деньги. Темнота, полночь, он грязный.

Недели через две я его вместе с Тамерланом увезла в Стамбул. Мы с подружкой делали социальный проект для детей из сложных семей. Сидим в аэропорту, ждем вылета, ребенок

впервые в жизни без мамы. Где Батал, куда подевался? А он уже рисует с какой-то девочкой, с мужиками болтает. Такой комок любопытства, интереса, жизни. Наше близкое общение началось в тот момент.

И этот ребенок в декабре перестал ходить в школу. Его буллили и дети, и учителя. В том числе за то, что просил в столовой еду, а ему не давали, поскольку детям из бедных семей полагалась одна порция. Узнав об этом, моя мать забрала его в Москву. А брата оставила. Двоих она бы не потянула.

В Москве он жил у нас на выходных, а пять дней в неделю проводил в католическом воспитательном центре «Дон Боско» в Филях. И в школу ходил неподалеку. Записался в хор, в театральную студию, занимался футболом. Всё, что людям нравится в том, как я сейчас веду себя со своими детьми, я отрабатывала на нем. С ним я поняла, что ребенок — не какой-то недоделанный взрослый, а отдельная личность.



Батал, 2017 год. Фото: архив Бэллы Шахмирзы

Мой московский друг Никита ездил с Баталом в разные города, посещал храмы. Батал усерднее паломничал, чем многие православные.

Но его все же тянуло на родину, к маме. После девятого класса он вернулся. Видимо, после католического центра ему нужно было припасть к корням. Батал начал ходить в мечеть. Купил коня. Сперва его хотел назвать как-то по-арабски, Абу чего-нибудь. Я говорю: чувак, назови в честь того, что ты любишь. И он назвал коня Фоденом, по фамилии футболиста.

Однажды он с другом нашел на речке алабая. На этого пса натравливали других собак, в него стреляли — и оставили умирать привязанного, с переломанным позвоночником, без воды и еды. Проще всего было напоить беднягу и дать ему умереть. Батал с другом вытаскивает его и отвозит за свои деньги в Черкесск. Дома жрать нечего, а он с раненым алабаем возится. Кормит, выпаивает. И что? Мы эту собаку пристроили. Она живет прекрасной жизнью в Москве. Еще были котята, другие собаки, ягненок, от которого отказалась мать. И когда мы начали Балапанлар — это был проект для Батала и его брата.

**8 июля 2021 года**

— Ну что насчет Балапанлара?

— Пока ничего, район не дает школу.

**20 июля 2021 года**

— Чувствую, скоро Балапанлар будет.

— Почему?

— Интуиция.

— Дай бог. Соскучилась по тебе.

— Я тоже.



Батал. Фото: архив Бэллы Шахмирзы

## Балапанлар

Балапанлар я создала в 2017 году, когда уже три года жила в Милане. Я участвовала в социальных проектах, видела, как много они меняют, и думала: какого хрена дети в моем ауле <шатаются без дела> все лето? Почему они никому не нужны?

Я доделала диплом в Миланском университете и в тот же день написала в соцсетях, что хочу провести в Эркен-Халке летнюю школу для детей. Был вал ответов — о, давай, круто, мы хотим приехать! Я собрала по друзьям 157 тысяч рублей. От поста до открытия школы прошло лишь полтора месяца.

Слово «Балапанлар» придумала девочка из нашей команды. Почему бы нам не быть детьми крылатой волчицы, одного из

символов ногайцев? Балапанлар — это птенчики или щенки.

Я привозила успешных взрослых, на которых хотелось быть похожими. Это не выглядело так, будто белые люди просвещают аборигенов. Те, кто приезжал из Москвы, понимали, что получили от нас гораздо больше, чем дали.

Мы хотели 50 детей, а пришло 87.

По формату это был балаган. Я не знала, что взрослые могут так рисовать, играть, дружить, смеяться. Дети пробовали кодинг, учили песенки на армянском, узнавали про астрофизику. Самому младшему преподавателю было 10 лет, самому старшему — 62. У нас были мальчик в инвалидной коляске, девочка с синдромом Дауна, дети с аутизмом. Местные помогали: кто пирожки принесет, кто яблоки. Люди вытаскивали свои хобби. Камила Баисова — домохозяйка, мама троих детей — сказала, что умеет валять войлок. После Балапанлара она стала очень медийной.

Мы ставили детские спектакли по местным легендам, снимали кино, фотографировали. И многие начали к своему аулу по-другому относиться. Одна девочка его ненавидела, ее жестко буллили в школе. Она уехала, а потом пришла к нам волонтерить. Теперь она обожает Эркен-Халк. Она по-прежнему видит все косяки, но осознала, насколько тут может быть круто.



Батал и Дмитрий Марков. Фото: архив Бэллы Шахмирзы

Тамерлану было уже лет 18. В команду он не вписался, оказался не наш человек. А Батал откликнулся с радостью. Ему было 11. Мелкий, худенький. Он играл в театре, танцевал, решил однажды проблему с другим подростком — поговорил с ним, и тот перестал хулиганить.

В том же году мы победили в конкурсе Google Russia «Вдали от столиц». Батал получал эту премию вместе с нами.

На следующий год мы подали заявку на тендер министерства по делам национальностей КЧР, два с половиной миллиона рублей. Уже планировались 250 детей, 40 преподавателей, две смены.

Скоро открытие, а деньги не приходят. Нам говорят: не начинайте. У вас той бумажки нет, другой, третьей.

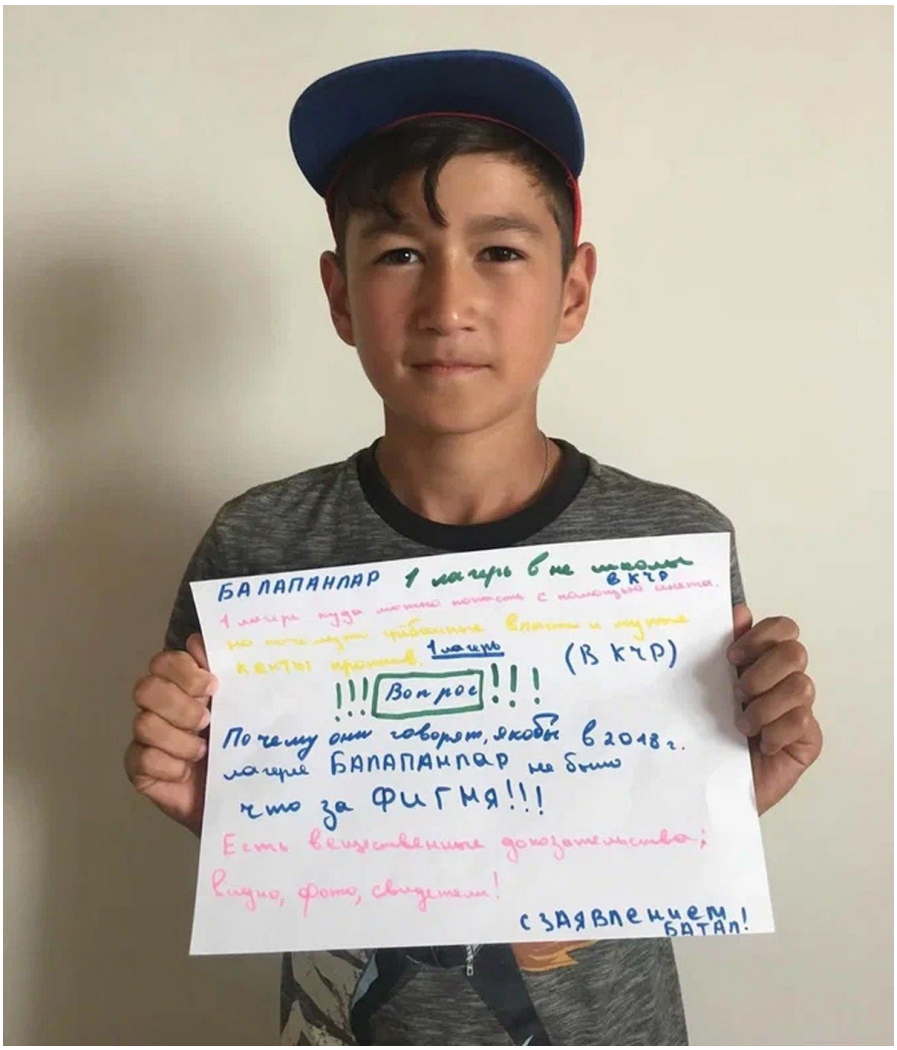
Я вложила тогда свои деньги. Мне передали, что в министерстве хотят откат — 500 тысяч. Иначе не подписывают ничего. Они видят, что ты уже всё выполнил по факту и не можешь остаться в долгах, как чмо. В итоге я какую-то сумму заплатила. Аванс получили только через месяц, в последний день второй смены.

Весной 2019 года начинаются проверки. Вызвали всех — детей, родителей, преподавателей, уборщицу, волонтеров. Прокуратура пыталась доказать, что мы взяли деньги и не сделали проект.

Мы все же выиграли небольшой президентский грант, к нам снова записались 250 детей. Приходим в школу, а нас не пускают. Идет дождь. Охранник грозит вызвать наряд полиции, как на несанкционированный митинг. Мы несколько дней делаем летнюю школу в поле перед моим домом.

Камила, которая валяла войлок, предложила перенести школу к ней, в маленький аул Карамурзинский в Ставропольском крае. Там вода несколько часов в день, туалет на улице, а перед ним бегает кавказская овчарка, которой хочется играть. Короче, ***. И во время этого*** я узнаю, что беременна. Мой будущий муж, итальянец, тоже с нами. И Батал, совсем еще мальчик, помогал — проводил занятия, стал вожатым.

Следующая школа, в 2021 году, была в Астраханской области. В абсолютно <чудовищных> условиях, в чужом доме, в котором давно никто не живет. Мы идеально провели время.




Батал. Фото: архив Бэллы Шахмирзы

## Эркен-Шахар, 19 сентября 2026 года, вечер

*Женщины хлопочут на кухне. Гости подходят небольшими группами, едят баурсаки и тихо беседуют.*

*О Бэлле говорят с уважением, а вот Балапанлар вспоминают неохотно — как бы чего не вышло. Вздыхают, что Бэлла недооценила бумажную волокиту и ждала, что чиновники будут такими же расторопными, как она сама.*

*В 2019 году глава Ногайского муниципального района Энвер Керейтов узнал о школе за шесть дней до открытия первой смены. Бэлла объясняла это задержкой в выдаче президентского гранта. Формальности она надеялась уладить «в рабочем порядке», а чиновники на это не шли, ссылаясь на отсутствие документов — медицинских книжек, справки о несудимости… В*

*конце концов, Керейтов признал, что для открытия летней школы было лишь одно реальное препятствие — сотрудники прокуратуры сказали не пускать детей без их разрешения. Прокурорская проверка длилась пять месяцев и кончилась ничем, но время было потеряно, а люди стали бояться.*

*Отхлебывая душистый соленый чай, близкие жалеют, что Бэлла, несмотря на все преграды, годами упорно вкладывала сбережения в свой проект вместо того, чтобы обустраиваться в Милане или инвестировать, как ее родители, в квартиры — «Так бы хоть доход какой был у нее с этого, а теперь — ничего». Дороже всего Бэлле обошлась попытка раз и навсегда решить проблему с помещением для школы. Она арендовала в соседнем ауле Икон-Халк второй этаж советского промышленного здания и сделала там просветительский центр «Уя», в переводе с ногайского — «Гнездо». Открывать его Бэлла прилетела 22 февраля 2022 года.*



Женщины в доме Батала Саметова. В центре — его мать Аида. Фото: Владимир Севриновский

# Побег

В день начала войны меня стошнило, впервые за всю беременность вторым ребенком.

Я думала: «Зачем я сейчас делаю проект, в котором не смогу говорить про войну, про толерантность?» У меня к тому времени уже был список стоп-слов, которые я не могла использовать в работе: «феминизм», «ЛГБТ**», «права человека». Но я могла хотя бы заложить в детей критическое мышление.

Мы перешли на маленький формат. Провели неделю дизайна, курс по бизнесу и лидерству.

Я купила участок в соседнем селении. Летом 2024 года поставила там небольшой каркасный дом. Мы с Баталом и другими ребятами побелили стены, гамак повесили, котенка какого-то притащили.

А потом меня выкинули из страны.

Утром жду сборщика мебели, а вместо него приходят эфэсбэшники. С обыском. И постановление — там было что-то про шпионаж, госизмену, передачу информации.

Я в шоке, пароль от телефона сразу дала — не хотела пугать детей. В ФСБ у меня изымают загранпаспорт, задают вопросы про журналистку Настю Каримову, про Навального. Выходим на улицу. Жара. Спрашиваю эфэсбэшника: «Можно мне мой телефон обратно?»

И руку протягиваю ладонью вверх.

Он на меня смотрит как на идиотку. Говорит, вы его в лучшем случае через две недели получите. Я такая: «Какие две недели? У меня шкаф с «Вайлдберриз» придет, как я им код покажу?»

Он отвечает: «Я вам российский паспорт оставил и карточку. А мог бы забрать».

Айлин, старшей дочери, тогда было четыре. Она фоткала какашки в унитазе и отправляла папе. А мы с мужем взрослые люди, друг друга давно не видели. У нас тоже были фоточки, но только 18+.

> И эфэсбэшники забрали мой телефон. Думаю: вот, суки, любуйтесь теперь итальянским хером и детскими какашками.

Недалеко от здания ФСБ жила моя подружка, свидетельница на моей свадьбе. За два дня до этого мы с ней спали в одной кровати. Потом выяснилось, что утром она была в центре «Уя», застала обыск, изъятие ноутбуков. И теперь стоит в воротах, не хочет пускать меня с детьми во двор. Ее тетя говорит: «Бэлл, заходи».

Не дали даже воды. Попросила у подруги мобильник, начинаю искать контакты в балапанларском чате. Она: «Что ты пишешь, что ты пишешь?» Я кинула ей телефон и ушла. Больше мы не общались. Мне до сих пор хочется ей написать, я по ней ужасно скучаю. А тогда я даже поистерить не могла — рядом дети.

Из другого дома я написала мужу и знакомой девушке из «ОВД-Инфо»*. Та говорит: «Бэлла, всё плохо, ты уезжаешь». А я в ответ: «У меня ипотека, я дом строю!»

Мы только поставили кухню в моем центре. Я хочу там проводить время. У меня должно быть новоселье. Я крашу старый буфет.

Она мне: «Бэлла, ты не поняла. Какая, на хер, ипотека. Если они к тебе пришли, значит, всё плохо. Ты уезжаешь. Ты не можешь пользоваться своей машиной, своей карточкой, не можешь купить билеты».

Я успеваю оформить доверенность на Батала. Сотрудники «ОВД-Инфо» покупают мне билеты в Ереван — туда пускают по внутреннему российскому паспорту. 25 июля в 5 утра встречаемся с адвокатом в аэропорту. Погранцы ставят штампы моим детям, а меня останавливают. Ждем 40 минут. Потом меня отпускают в самолет.

Муж прилетел в Армению в тот же вечер. У него был мой второй загран — я его оставила в Милане, дома в тумбочке.

В сентябре я заказала на Госуслугах справку о несудимости. Высветилось, что возбуждено уголовное дело, фейки о российской армии. За два репоста в инстаграме***.

Мы еще продолжали делать Балапанлар, но я уже не могла им заниматься в открытую — не хотела подставлять команду.

В формы на сайте для отправки пожертвований и школьный чат пришли тролли. Они оскорбляли кавказских детей и мусульман, присылали свастики.

Последние мероприятия были летом 2025 года.

В апреле 2026-го я попросила мать закрыть НКО.

**11 февраля 2026 года**

— Ты куда теперь?

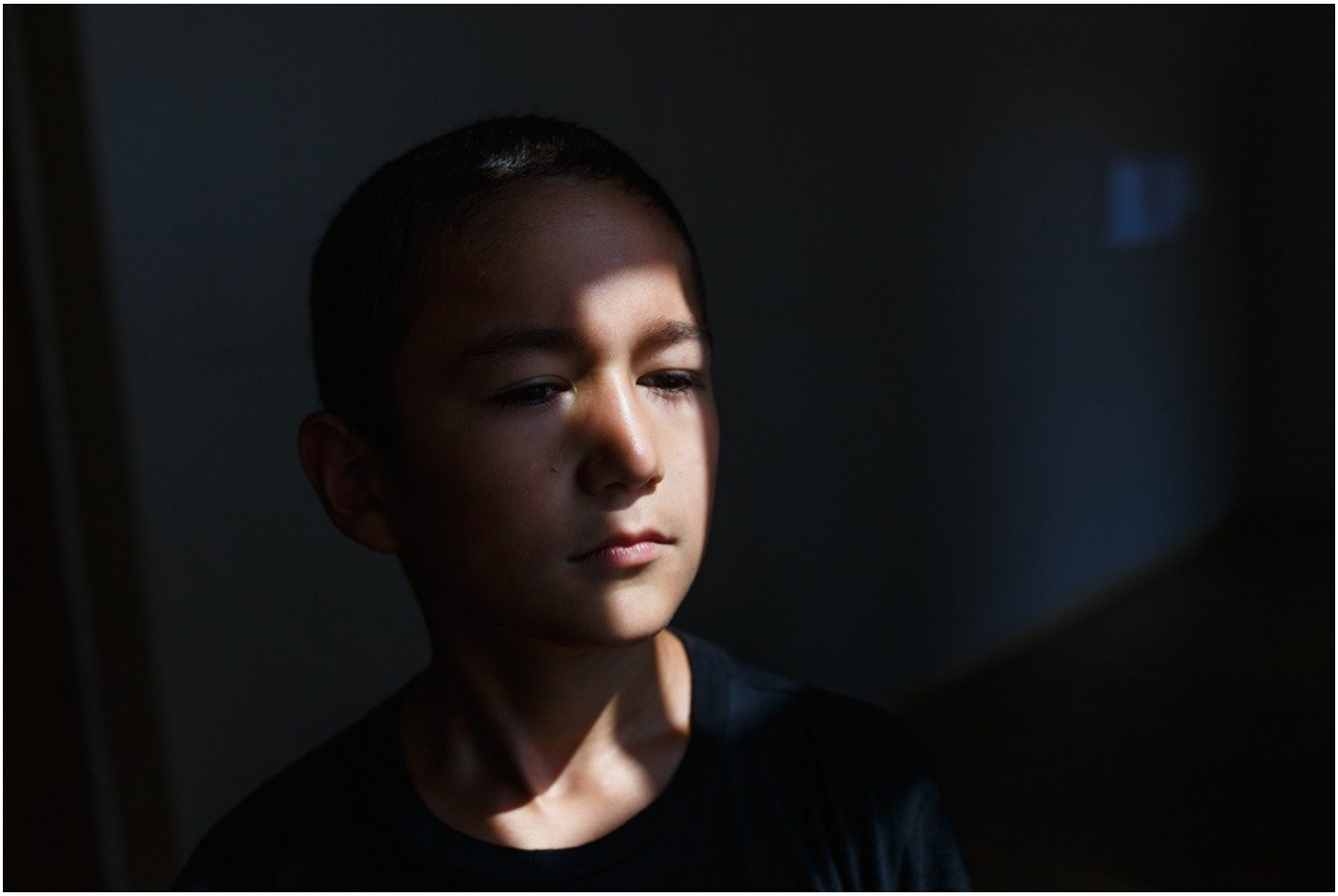
— В Ростов. У меня с армией *** полный. В аэропорту чуть не приняли.

— Почему?

— Приписного нет же.

— Ты с юристами на эту тему говорил?

— Да ничем не помогут. Пока на воинский учет не встал, я под прицелом. Если на учет встану, заберут, так как не учусь. Я еле откупился в Карачаевске. Сделали вид, что меня не находили.



Батал, 2017 год. Фото: Евгения Жуланова

## Спецконтракт

С самого начала войны я думала не о других двоюродных братьях, а о Батале. Кто угодно, только не он.

Я говорила ему, что нельзя убивать людей.

Он такой: «Да-да, я не пойду, я же не дурак».

Я предлагала ему приехать ко мне, год уговаривала сделать загран. Обещала оплатить билет. Но не настаивала, не решала за него. У меня был демократический подход. Я была тупая ***, которая считала, что мое дело — предложить, а твое — взять или нет. Мне казалось, нужно, чтобы он тоже сделал шаг вперед. Я мыслила такими сучьими категориями.

Он устроился на работу, уехал на вахту на полгода. Там его начальником поставили, он бумаги подписывал, увольнял алкоголиков. 150 тысяч получал. Начал обустраивать дом. 19-летний пацан.

Приехал зимой в отпуск, должен был потусить дома месяц и свалить обратно на вахту. Но не сваливал. 14 февраля я получила фотку — он и брат в поезде. Батал написал, что едет с Тамиком в Ростов-на-Дону.

Я думаю — классно. Едет с братом, топчик, свалил из аула. У меня не сработало, что это Ростов.

И потом мне 8 марта наша общая подруга скидывает фото Батала в военной форме. Он скрыл от меня истории в инстаграме. Он даже другу своему лучшему не сказал.

Я пишу, звоню, он не отвечает, пользователь не принимает звонки. Он удалил нашу переписку в телеграме. Потом все же ответил, мы опять начали общаться. Хотя еще недавно для меня это было бы неприемлемо.

Я же хорошая либеральная девочка, либерастка. Мне хочется быть чистенькой, не измазанной во всем этом говне. Я же не поддерживаю войну. У меня друзья-украинцы. Я для себя несколько недель решала, что делать.

И в какой-то момент поняла, что мне похер. Он мой брат, я не хочу его оставлять одного.



Фото: архив Бэллы Шахмирзы

**8 марта 2026 года**

Привет. А ты у нас где? Батаааааал! Вы на передке??? Тока <блин> не <лги> мне.

**13–16 марта 2026 года**

— Знаешь, это обидно, когда человек, за которого ты переживаешь, тупо тебя игнорит.

— Ну Бэлл, я очковал об этом тупо написать. Просто сам факт, я тут и всё, уже как бы не изменишь ничего. Отслужу в БПЛА вместо армии и всё. Тут свои нюансы есть, конечно. Но осознанно сюда пришел, обратки нет.

— Почему ты туда пошел, можешь сказать? Я без наезда. Ты где? Ты с Тамиком?

— Сам до конца не догоняю, но уже не задаюсь этим вопросом. С Тамиком мы по спецконтракту. Мы не штурмовики и т.п. БПЛА, полгода обучение.

— Точно полгода? Не закинут никуда через месяц?

— Ну, по сути, не должны. Тут <обман> на <обмане>, но к спецконтракту пока относятся сильно. С передка всех спецконтрактников вытягивают. Полгода туда нельзя.

— Почему ты не уехал на работу, а пошел туда? Опять же, я без наезда. Пытаюсь понять, если у тебя серьезные проблемы.

— (аудио) Я должен был уехать, но Тамик сообщил, что окончательно решил и отправляется туда. Я очканул, что херня будет, и решил с ним, и не улетел на работу. Мне свои пацаны сообщили о спецконтракте именно на БПЛА, и вместо водителя он, как и я, на БПЛА подписал. Кто тут водитель, сварщик и т.п., всех в штурма отправляют. Нас тоже забрали в штурма, где я <афигел>. Но вытянули, потому что мы спецконтрактники. Мы единственные, кто может через год уволиться, но это пока на словах, могут че-нибудь придумать. Пока всё четко, учимся.

— <Кошмар>. А ему (*Тамику.* — **Прим.**) кто в уши лил, что туда надо?

— Бабки, бабки, но просто прошу, я тебе вообще не говорил ни за что. Меня по-любому в армию забрали бы в феврале, так что я решил подписаться. У меня с Тамиком пока всё четко. Главное, мы в одной роте, будем постоянно вместе. Здесь везде РЭБ стоит. Тут далеко не передок, здесь спокойный тыл. Если у меня четко сложится, буду помощником замполита, весь контракт на бумагах.

— Чет я немного упустила. Когда вы приехали, вас умудрились в штурм отправить? И вернуть?

— Да. Мы обосрались. Но потом всё четко. Потому что это всё спецконтракт! Я Тамика жопу реально спас, если б не спецконтракт, то он бы уехал в штурма. Но, по сути, мы оба херню сделали.

— Вы это осознали там?

— Ахахаххахахаха. Да, тут ошалеть как осознаёшь всё.

— Я прям ппц надеюсь, что вы заодно не превратитесь там в расистов, которые верят пропагандонам и ненавидят украинцев.

— Сам надеюсь. Но тут, если ты на передке, то правило одно: либо ты, либо тебя.

**9 апреля 2026 года**

— На позиции.

— Почему?

— Вперед продвигаемся. Нужны все БПЛА.

— А как же <брехня> про 6 мес. учебки?

— Кароче, 3 месяца дается на обучение, именно чтобы сдать. Если не сдал — в штурма. А если сдал, идешь как оператор. Тамик — водитель, он остался в тылу на полигоне. На передок не ездит. Я оператор БПЛА щас.

— И вас все равно кидают на передок?

— Да, но мы стоим за пехотой.

— <Кошмаааар>. Не мог тоже водилой пойти?

— Прав нет у меня. И выбирают одного водилу, Тамику повезло

очень. За место водилы тут сильная конкуренция.

— Ты в какой стороне?

— Запорожское. Благо, не в пехоте. У нас всё четко. Если я 300 буду, то начальство мое <накажут>, так как мне по бумагам нельзя туда. Но всем ***.

— А если по бумагам нельзя, кто решил отправить?

> — Командование. Сегодня ночью вот расчет разбили, один 200 и второй легкий 300. Мы на замену.
>
> — И типа вы следующие?
>
> — Нет, я буду, <блин>, живой.

**25 апреля 2026 года**

— А откуда парни, кто с тобой?

— Владивосток, Хабаровск. В основе Дальний Восток. Я через них же подписывал. В КЧР на тот момент не было спецконтракта. Рекрутер сказал: «Давайте через Дальний Восток». Я такой: «Окей».

**1 мая 2026 года**

— Я перекатился вперед еще на 5 км. Одних в штурма переводили, и нас вместо них закатили.

— Ты шутишь??? Тебя тоже могут потом в штурма???

— Ну они не работали. Постоянно оправдания находили и не

летали. Ну и плюс я спецконтракт.

— Кароч, ты тут пошалить не сможешь. Потому что знаешь, *** будет.

— Ну ***, у всех появилась мотивация летать. Щас 24/7 в небе. Меня не переведут в штурма, но могут сделать ногами (кто провизию доставляет на позицию), а это *** как не прикольно. Поэтому не <выделываемся> и летаем.

**4 мая 2026 года**

— Щас хочу с командирами договориться. Чтобы копейку дать и меня выкатили на базу.

— О, припекло?

— Да сегодня пацанов разобрали. По нам артиллерия кладет, думаю, как бы дом не сложился. Фипиви-ждуны были. Они садятся где-нибудь на бетонке или в кустах и тупо ждут. Видят движение, взлетают и <вламывают>.

— Главное, чтобы они не разозлились и не заслали тебя еще больше вперед.

— Дальше некуда. Мы впятером в самом передке среди дроноводов. Самое стремное — идти за провизией туда 5 км и обратно 5 км. Все ножки, которые были, они 300.

(аудио) — Уже 550 тысяч миллионов раз осознал, какой я <дурак>, что Тамика не отговорил. Жалеть [времени] особо нету. Сейчас главное — быстро бегать и быстро принимать решения. Аллах айтса (*если будет на то воля Аллаха.* — **Прим.**), всё нормально. Сейчас что-нибудь подумаем.

— Два дебилоида.

— 100%

— Хочу вас лично прибить обоих тапочком.

— Да я вообще не откажусь от этого.

> *** тут фляга свистеть начинает. Каждый день видишь 200. И видишь 300, которые на глазах вытекают и становятся 200. Или кто-то уже не может и всё. И, <блин>, стоишь и ничем не помочь.

— Вас не учили первую помощь оказывать?

— Я 50/50 умею. Уже *** скольких перебинтовал.

— После всех щенят и котят опыт есть.

**5 мая 2026 года**

— Заскучал по вахтовой жизни?

— Да я вообще по гражданке скучаю.

— А помнишь, как тебе там скучно было?

— Помню. Вот не хватало эмоций и адреналина. Здесь я <офигеваю> от того, как меня переполняет этот «адреналин». Ну, прорвемся. По-любому потом смеяться буду от того, что тогда подписался.

**20 мая 2026 года**

— Батал, как там? Не стало тише?

— Привет. Да ни фига, очко как было, так и есть. У меня дрон сбили. Вчера вылет на новом делаю и снова, <блин>, сбили ахахаха. Походу скоро кредит на них возьму.

— <Блииин>. А вам их просто так не дают?

(аудио) — Мне сказали: в цвет рожай птицу, покупай. Хочешь, найди. Можешь пойти по полям искать, но минус в том, что, пока гуляешь, фипка в тебя прилетит, и ты хрен куда денешься. Либо второй вариант — рожай ее. Ну бабки суети и так далее. Я вот позавчера последние бабки отдал. Вчера еще одну птицу потерял. Не знаю вообще сейчас, что делать. Пока ничего такого не сказали опасного. Я <дуралей>, <баран> тупой. Ну и всё, пока.

**26 мая 2026 года**

— Помнишь Ислама из Абазинского театра? Этот хасбат (*пренебрежительное прозвище на Западном Кавказе.* — **Прим.**) хочет подписать контракт. Я ему миллион моментов привел, почему не стоит подписывать.

— Дебил!!! Отговаривай. У вас какая-то эпидемия, что ли. Все хотят пойти на войну.

(Батал присылает скриншот с аргументами против заключения контракта и объяснением, что контракт будет не на год, а до конца войны.)

— Это уже второй или третий, кого отговариваю, я брата Аурики из Астрахани еще отговаривал ахахах.

— И что там брат Аурики? Послушался?

— Сказал, подумаю конкретно.

(*По словам Бэллы, брат Аурики все же заключил контракт и погиб.* — **Прим.**)

**28 мая 2026 года**

Бэлла, привет. Как дела? По дому снова интересуются. Кроме стиральной машины и кровати всё остальное в продажу уходит? Какая цена щас за дом? Говорят, реальный клиент.

**10 июня 2026 года**

У меня миллион планов на будущее. Главное — отсюда выбраться, и всё. Хозяйство. Свадьба. Нормальную работу с норм зп найти.

## Три поста из телеграм-канала Батала, о котором он не сказал сестре

**Первый пост 29 июня 2026 года**

(Видео из Мариуполя)

Быть военным прикольно. Везде проходим без очереди, много льгот пхахахха.

Прикиньте, кроме рыбы, тушенки и сухого что-то существует! Впервые за 4 месяца я в цивильном магазине. Вау! Прикиньте, это мороженое. На позиции сидишь, жарко, и хочется мороженого холодненького. И здесь это всё видишь — да ну, на фиг, это реальность? На нас смотрят, как на дикарей, но мне пофиг.

**Второй пост 29 июня 2026 года**

(Видео, полученное с дрона-камикадзе, влетающего в крупное здание.)

Администрация Запорожья (смеющийся до слез смайлик, смайлик с поднятым большим пальцем) отработано.

Под постом две реакции — огонь и аплодисменты.

**Пост 2 июля 2026 года**

Всем салам алейкум. Летим, ищем хохольчиков наших. Такая вот суета.

* * *

**11 июля 2026 года**

— Завтра с утра закатиться должен. Очко че-то играет конкретно ахахахахах.

— Теперь куда хотят перекинуть? Туда, где еще горячее?

— Ага. Там будем безвылазно сидеть. Вообще веселье, ***. Будут птичками провизию закидывать.

**12 июля 2026 года**

— Доехал?

— Нет. Машина сломалась, альхамдуллилах. Перед нами заехали, три машины <взорвали>. Я вообще очканул там нормально.

— Кароч, я тут подумала… Как вернетесь, надо с тобой и Тамиком в Стамбул поехать. Тусануть.

— Можно я туда поеду и не вернусь?..

## Мост между странами

Он уже в апреле понял, что <жопа>. Шутил, ржал, но ему было страшно. Хотя он старался не пугать нас.

У него в какой-то момент начало мелькать, типа, «хохлы, хохлы». Но это, мне кажется, неизбежные последствия места, где он был.

Позывной ему дали «Батон» — так переиначили его имя. И он мне сказал телефонный номер другого солдата — если что, пиши ему.

Это было 19 июля. А погиб он 29-го. 30-го я написала этому парню: привет, я сестра «Батона», где он? Тот отвечает — все нормально, они без связи. Потом долго не отвечал. У нас каникулы, муж приехал, а у меня каждый вечер истерика, я сижу и начинаю реветь. В телеге пишу: пожалуйста, мы понимаем, что произошло, скажи, что, когда, как.

Мы едем на машине из Швеции в Копенгаген. И приходит сообщение: «Прости, твой брат погиб».

Он наступил на мину. Ему то ли оторвало, то ли повредило стопу. Его перевязали. Он был в сознании. А под утро вытек. Они говорят — потому что ослаблял жгут. Захрипел, стал синий и умер.

На мосту между Швецией и Данией я звоню маме, звоню его брату.

И брат знал. Говорит, я военнослужащий, по закону не имел права тебе сказать. Сука, в тот момент я его ненавидела.

И я вот еду в Копенгаген, мы через день улетаем во Францию, и всё вокруг такое прекрасное, какие-то медузы в канале. Не было ни секунды, чтобы побыть в трауре. Дети меня пугаются, муж не знает, что делать. Я чувствую, что должна сейчас быть в моем ауле, с семьей. Но эту возможность у меня украли.

Я детям обещала, что отвезу их на аттракционы.

> И на этих, сука, каруселях, где крутятся и переворачиваются, был единственный момент,

> когда я могла орать о погибшем брате. В чужой квартире я орать не могу, на улице не могу. А там это было легитимно.

Я выставила в соцсетях черное в знак траура, и мне начали писать друзья. В том числе украинцы. Бэлла, что случилось? Я говорю: мне стыдно. Мой брат погиб на войне. Но если ты что-то плохое хочешь сказать, не говори. Я сейчас не в силах. Он месяц лежит на поле никому не нужный, гниет там. Он все грехи этим искупил. И в ответ слышала только слова сочувствия.

Я пишу Баталу письма — «Я рада, что ты приедешь, что тебя похоронят».

Удивительная эволюция сознания. Пять лет назад я мечтала, что у моего брата будет шикарная жизнь, что он будет знаменитым. Четыре года подряд я мечтала, что он не сунется на войну. Полгода назад мои ожидания сузились до того, чтобы он был живой. Я думала: да похер, даже если я никогда с ним не буду разговаривать, потому что он стал зетником. Ну, блин, ПТСР, ну справимся. Грехи можно замолить, искупить.

В мае я мечтала о том, чтобы Батала искалечило, и его бы отпустили. Думала: ну рука, нога, хер с ними… Будем считать это человеческим жертвоприношением.

Потом он пропал. Я думала: пусть просто дышит.

Затем я мечтала о том, чтобы его тело вытащили. А сейчас, 4 сентября, мечтаю, чтобы похоронили.

> От него остался вонючий кусок мяса. От моего брата, красивого, классного мальчика, у

> которого даже борода не росла.

Батал и Тамерлан для меня были примерами детей, которым нужен Балапанлар. Теперь я не делаю школу, не приезжаю, и мой брат мертв.

Еще обидно, что он ушел таким грешником. Как можно было из этого мальчика сделать человека, который запускал дроны, который писал о том, как «двухсотил хохлов»?

Я никогда не любила солдат. Для меня они ужасные люди. И я только сейчас понимаю, что это еще и мученики. Удивительно, как убийца может быть мучеником: ты убиваешь, но и тебя могут убить в любой момент, твоя жизнь тебе не принадлежит.



После похорон Батала. Фото: Владимир Севриновский

Лето, мы с детьми ездим по Европе. Океан, музей, <блин>,

археологический. А внутри я реву. Прилетаю в Берлин, дети говорят: мы не хотим в метро, нам нравится гулять под дождем.

И параллельно я гуглю, как разлагается тело.

Какая из этих двух — честная я? Я действительно страдаю или сижу в своей благополучной, сытой жизни? Я знаю, как надо быть в трауре на Кавказе, но не знаю, как в Милане, где всегда нужно быть адекватной, решать вопросы, подтирать задницу, готовить пасту.

> Я всегда хотела работать на будущее. Чтобы у детей был выбор и из них вырастали счастливые взрослые. Потому что счастливые взрослые не делают ужасных вещей.

Завтра буду общаться с одной девушкой. Она говорит: Бэлла, давай сделаем Балапанлар в каком-то другом месте. Не в России.

Два месяца в году я всегда проводила на Кавказе, потому что занималась школой. Сейчас они освободились. Я хочу делать этот проект в Йемене, в Сомали. Не для миланских детей из богатеньких семей.

Тамерлан говорит, что его могут отправить в Уссурийск. Я говорю, давай, уезжай. А он — у меня там будет зарплата 40 тысяч…

Надо с родными Батала пообщаться, чтобы они на выплаты купили квартиры. Иначе эти деньги испарятся, как будто Батал умер ни за что. А коня Фодена я перевезу в Италию. Хочу, чтобы у меня хоть что-то осталось от брата.

## Неотправленные письма Бэллы

**24 августа 2026 года**

Тамик теперь говорит, мол, там на пункте в курилке один решил не подписывать контракт и ушел. Тамик вроде тоже это предлагал, но ты настоял на подписании, раз туда приехали. Как всё это было?

Ты погиб, мы с тобой не попрощались, мы не видели тебя. Почему нам никто не позвонил тогда? Лучше бы мы это видели, может, мы бы тебя приободрили, может, ты бы набрался терпения и не снимал жгут.

Теперь ты лежишь там. Что с твоим телом происходит? Ты иссушился, ты надулся, ты воняешь? Какой ты сейчас? Ты в пакете или на голой земле?

Потом тебя вытащат. Будет ли отвращение у этих парней?

> Будут ли они есть бутерброды у твоего тела и курить и говорить: да вот сильно воняет? Будет ли у них хоть капелька интереса, грусти, уважения к тебе?

Я не думала, что так сильно в это верю, но с тобой поняла, как важно лежать в своей земле, среди тех, кого знаешь, кто знает и любит тебя. Как важно быть похороненным.

**30 августа 2026 года**

Перевела стихотворение Астрид Линдгрен, которое нашла в ее музее 19 августа. Я несколько раз плакала там, отчаянно плакала, но еще не знала точно, что с тобой. Я плакала, что у нее была хорошая семья и с братом она до конца жизни сохраняла отличные отношения. Я плакала, потому что ее дом

стоит до сих пор, и она всегда могла туда вернуться. А я не могу приехать домой. Я плакала, что столько в этом благополучия и семейной истории, которых у меня отняли или которых вообще не было.

*Будь я Богом,*

*я бы плакал*

*над людьми,*

*которых создал*

*по образу Своему.*

*Как же я плакал бы*

*над их злом,*

*над их низостью,*

*жестокостью*

*и глупостью,*

*над их жалкими потугами быть добрыми,*

*над их беспомощным отчаянием*

*и горем.*

*И как же я плакал бы*

*над мукой их сердец,*

*над их вечным голодом,*

*над тревогой,*

*над страхом смерти,*

*над их безысходным одиночеством,*

*над их судьбами —*

*их жалкими, несчастными судьбами —*

*и над их слепыми попытками*

*нащупать кого-нибудь...*

*кого-нибудь!*

*Меня, быть может.*

*И как же я плакал бы*

*над всеми предсмертными криками,*

*над всей кровью, что льется*

*впустую, —*

*так страшно,*

*так безнадежно впустую, —*

*над голодом,*

*над отчаянием,*

*над нищетой,*

*над всеми безумными муками,*

*над одинокой смертью,*

*над теми, кого пытают,*

*кто кричит и кричит,*

*и еще сильнее –*

*над теми, кто пытает.*

*А потом — дети.*

*Все дети.*

*Все, все до одного.*

*О них я плакал бы*

*больше всего.*

*Да. Будь я Богом,*

*я бы непременно*

*много плакал о детях.*

*Ведь я же, конечно,*

*никогда не хотел,*

*чтобы их жизнь*

*стала такой?*

*Потоки.*

*Потоки слез*

*я бы проливал,*

*чтобы в стремительных,*

*могучих водах*

*моих слез*

*утонули*

*все мои несчастные люди —*

*чтобы, наконец,*

*настал покой.*

**Эркен-Шахар, ночь с 19 на 20 сентября 2026 года**

*Спецтранспорт добирается до Карачаево-Черкесии уже за полночь и, почти дотянув до Эркен-Шахара, ломается на трассе. Мужчины едут к нему и вскоре возвращаются с гробом Батала, торчащим из багажника легковушки. В дом его заносят на руках. Он до странности легкий. На нем лежит папка с документами с крупной надписью «АД 9884».*



Гроб привезли. Фото: Владимир Севриновский

*Гроб ставят на стулья в дальней комнате возле шкафа с вещами погибшего — ковбойским седлом, флаконами парфюма, которым он умащал себя по исламской традиции, и белым плюшевым медведем, подарком Бэллы. Туда же относят траурный венок, свернутую в рулон черную ленту с надписью «Защитнику Отечества от Министерства обороны» и российский триколор. Кто-то сомневается, можно ли ногайцам вешать флаг над могилой: «У казаков их много, а у нас?..» Но всё же полотнище надевают на пластиковую трубку и ставят в углу.*

*Пикают телефоны — пришло СМС, извещающее о беспилотной опасности на территории Карачаево-Черкесии. Бородатый мужчина жалеет, что тело не отдали в специальную контору в Черкесске, где останки моют и заворачивают в саван, как подобает у мусульман.*



Прощание. Фото: Владимир Севриновский

*Мать плачет над гробом. Мужчины вполголоса обсуждают новость о Тамерлане. Его ждали на похороны, а он сообщил, что лежит в госпитале с перебитыми ногами — в грузовик попал дрон-камикадзе.*

*Московский гость Никита рассуждает, что Батал, наверное, специально ослабил жгут, чтобы сослуживцы не рисковали жизнью, вытаскивая его под обстрелом.*

*Кто-то облегченно выдыхает:*

*— Важно, что он домой пришел, дома ночует.*



Мужчины у дома Батала. Фото: Владимир Севриновский

*Близкие определились с кладбищем: в роду отца больше нет молодежи, так что Батала похоронят возле надгробий с тамгами материнского рода — чтобы было кому о нем заботиться, когда старшие умрут.*

*Гости прощаются, чтобы встретиться после рассвета — с утра надо копать могилу, а к полудню ожидается почетный караул — отдать Баталу последний салют. Никита по христианскому обычаю остается у гроба. Ему звонит Бэлла:*

*— Покажи мне его.*

*Никита наводит камеру на гроб. VPN барахлит, связь рвется, потом вновь появляется. Вглядываясь в экран, Бэлла оплакивает брата, молится за него и шепчет слова прощания на ногайском языке.*

**Владимир Севриновский**



Похороны Батала Саметова. Фото: Владимир Севриновский

* Внесены властями РФ в реестр «иноагентов».

** Признано экстремистским движением, деятельность в РФ запрещена.

*** Принадлежит компании META, чья деятельность в РФ признана экстремистской и запрещена.